

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2018.29.139384>

УДК 811.161.1-13'27'42:821.161.1:316.66 А. Чехов

СТЕПАНОВА Светлана Евгеньевна,

магистрант кафедры русского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова, Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина; тел.: +38 048 7762277; e-mail: rus_lang@onu.edu.ua; ORCID ID: 0000-0002-2855-3657

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ПЕРСОНАЖЕЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. П. ЧЕХОВА

Аннотация. В данной статье автор продолжает рассматривать вопрос о зависимости речи человека от его социального статуса, расширив аспектную базу социального статуса. *Цель* работы — выявить и проанализировать языковые средства выражения А. П. Чеховым не только профессионального, но и сословного, карьерного, имущественного и культурного статуса. *Материалом* исследования послужили два ранних рассказа писателя: «Толстый и тонкий» (1883) и «Хирургия» (1884). Таким образом, *объектом* изучения являются средства языка, способные выразить в художественной форме социальный статус персонажа, *предметом* исследования — мастерство А. П. Чехова в изображении сословного, карьерного, имущественного, профессионального и культурного статуса человека средствами языка. В работе описательный *метод* сочетается с историко-описательным, а также с методами многофакторного, семантического и социолингвистического анализа. В *результате* исследования обнаружилось, что языковые средства, которые использует А. П. Чехов для выражения социального статуса персонажа, направлены на создание статусного контраста. **Выводы.** Языковыми средствами выражения социального статуса персонажей выступают антонимические пары нарицательных слов и специальных тематических групп, имена и фамилии персонажей, этикетные обороты, клише, бытовые детали, основанные на грамматических особенностях формул социально окрашенной речи. Выражению социального статуса персонажей способствует приём взаимного понижения статуса социально контрастирующих персонажей и приём сочетания невербальных и вербальных средств выражения социального статуса.

Ключевые слова: социальный статус, языковые средства, языковая картина мира, персонаж, идиостиль А. П. Чехова.

Постановка проблемы. Наиболее популярным в современных лингвистических исследованиях является антропоцентрический подход к изучению различного материала. Система научных подходов в истории науки представляет собой расширяющуюся систему, которая на данном этапе состоит из трёх равнозначных парадигм: *сравнительно-исторической, системно-структурной и антропоцентрической* [24, с. 14]. «Каждая из существующих парадигм содержит своё рациональное зерно, свои открытия и взлёты, но охватить все «лики» языка, все его аспекты ни одна из них пока не в состоянии» [15, с. 18]. Для целостного лингвистического исследования антропоцентрический подход, который характеризуется изучением человека в языке и языка в человеке, необходимо использовать в сочетании со сравнительно-историческим и системно-структурным. Сегодня изучение языковых средств, с помощью которых художник слова более ста лет назад выражал социальный статус литературных персонажей, невозможно без учёта языковых, социально-исторических, цивилизационных особенностей той эпохи. Необходимо также использовать достижения системно-структурной научно-исследовательской парадигмы для оптимальной систематизации выявляемых языковых средств. Языковое мастерство А. П. Чехова проявляется сегодня многими гранями таланта художника, которые были скрыты за ограниченными возможностями методологии лингвистических исследований прошлого века. Новизна нашего исследования заключается в комплексном подходе к выявлению и систематизации средств языка, указывающих на социальный статус художественных персонажей.

Связь проблемы с предыдущими исследованиями. Понятие социального статуса первоначально означало правовое положение юридического лица [19, с. 331]. В широкий научный обиход это понятие было введено известным немецким социологом Максом Вебером, в работах которого статус, класс и власть выступают в качестве основных измерений социальной стратификации [30, pp. 305, 927–937]. Изучая принципы общественного устройства, социологи не могли не заметить множества промежуточных образований между классами, большими группами людей, объединяемыми по их отношению к собственности и производству. Задача состояла в том, чтобы найти объективные критерии выделения общественных групп.

Вебер определял социальный статус как общественное признание в виде позитивных или негативных привилегий, основанное на стиле жизни. Стиль жизни включает типичные способы времяпрепровождения, общения, выбора и устройства места жительства, выбора одежды и др. Веберовские параметры социальной стратификации различны по степени абстракции: класс является наиболее абстрактным, а статус — наиболее конкретным звеном в концептуальной триаде М. Вебера. Наиболее конкретное звено оказывается наиболее нагруженным в культурологическом отношении и поэтому получает разнообразные способы выражения в языке.

В лингвистике проблеме способов выражения социального статуса индивида и коллектива уделяют внимание разные учёные. Вопрос о социальном статусе языка и речи возникает в функциональной лингвистике, лингвопрагматике, семиотике, речевом этикете, исторической грамматике, диалектологии, лексикологии, юрислингвистике, переводоведении, стилистике, межкультурной коммуникации, других аспектах изучения языка. В этой области знаний известны авторитетные исследования Э. С. Азнауровой [1], Е. А. Белашовой [2], М. Виденова [3], Т. Г. Винокур [4], Б. Ю. Городецкого [5], В. М. Жирмунского [6], В. И. Карасика [7], Ю. Н. Караулова [8], М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой [9], И. М. Кобозевой [10], Л. П. Крысина [11], Р. Ф. Пауфосимы [18], Е. Н. Степанова [25], Ю. С. Степанова [27] и других. Имеется несколько монографических исследований творческой манеры письма А. П. Чехова. Обычно в имеющихся работах уделяется внимание тем единицам, которые отличают художественную манеру писателя, формируют чеховский идиостиль. Авторитетные исследования в этом направлении осуществлены Т. А. Кудиновой [12], Т. В. Кыштымовой [13], Е. И. Лелис [14], Г. Е. Махановой [16], М. К. Милых [17], В. П. Ходуса [28]. Намного больше учёных опубликовали результаты своих исследований в виде статей и тезисов докладов. В нескольких наших публикациях мы затрагивали тему изображения А. П. Чеховым языковыми средствами профессиональной картины и эхо-картины мира персонажей [21; 22; 23], что частично отражает их социальный статус. Других работ, посвящённых изучению мастерства А. П. Чехова в использовании языковых средств выражения социального статуса персонажей, нам не удалось найти в современном информационном пространстве.

Постановка исследовательских задач. В данной статье мы продолжим рассматривать вопрос о зависимости речи человека от его социального статуса, расширив аспектную базу социального статуса. Цель работы — выявить и проанализировать языковые средства выражения А. П. Чеховым не только профессионального, но и сословного, карьерного, имущественного и культурного статуса. Материалом исследования послужили два ранних рассказа писателя «Толстый и тонкий» (1883) и «Хирургия» (1884). Таким образом, объектом изучения являются средства языка, способные выразить в художественной форме социальный статус персонажа, предмет же нашего исследования — мастерство А. П. Чехова в изображении сословного, имущественного, профессионального и культурного статуса человека средствами языка. В работе описательный метод сочетается с историко-описательным, а также с методами многофакторного, семантического и социолингвистического анализа. Это указывает на совмещение в методики антропоцентрического, системно-структурного и сравнительно-исторического подходов.

Изложение основного материала. С позиций системно-структурной парадигмы в XX веке было изучено и описано ядро языка, его центр. Теперь внимание переключается на его периферию, на стыки областей научных знаний, на зоны соприкосновения лингвистики с психологией, культурологией, этнографией и другими смежными с лингвистикой дисциплинами. На смену изучению системы и структуры языка на рубеже XX и XXI вв. пришло изучение знаний о языковом пространстве, языковой способности индивида и коллектива, а также о языковой компетенции носителя языка. В лингвистику пришло понимание необходимости учёта «человеческого фактора» как устной, так и письменной коммуникации. По словам Е. Н. Степанова, рассматриваются когнитивные, психолингвистические, этнолингвистические, лингвокультурологические проблемы языковой практики человека; изучается его языковая картина мира, специфика речевого портрета, процессы порождения новых смыслов и форм в индивидуальном сознании, их закрепления либо угасания в коллективном коммуникативном пространстве; выделяются языковые типажы, лингвокультурные сценарии [26, с. 32]. Разумеется, современные научные процессы касаются текстов не только нынешней эпохи, но и эпох прошлых.

В творчестве А. П. Чехова описана речь различных по статусу людей, от простых рабочих до высокопоставленных чиновников. Это может объясняться тем, что сам писатель в своей жизни успел пожить в разных социальных условиях, среди совершенно разных людей. Он испробовал множество занятий, а получив профессию врача и долго выполняя обязанности земского гласного, сталкивался с людьми разного гендера и возраста, совершенно разными по статусным данным, имевшими разные взгляды на многие жизненные ценности, на историю, политику, быт, отношения в обществе и др. Индивидуальные и социальные особенности художественной и языковой картины мира А. П. Чехова дали возможность реалистически изображать социальный статус своих персонажей. В каждом из анализируемых рассказов писатель отдаёт предпочтение нескольким наиболее важным, с его точки зрения, аспектам социального статуса. Автор использует языковые средства, способные выразить эти аспекты настолько реалистично, чтобы читатель сам безошибочно смог определить сословный, карьерный, профессиональный, имущественный либо иной статус персонажа в обществе, а писательская оценка поведения этого персонажа лишь совпала бы с читательской.

I. Так, в рассказе «Толстый и тонкий» выразительные средства социального статуса персонажей указывают на доминирование карьерного и имущественного аспектов их социального статуса. Эти средства служат контрастному восприятию двух групп персонажей: с одной стороны — Михаил (толстый), а с другой — Порфирий (тонкий), его жена Луиза и сын Нафанаил. Чтобы подчеркнуть социальное неравенство этих групп людей, автор создаёт фигуры антитезы для описания их манеры

поведения, речи, внешности, одежды, бытовых деталей. Этим же целям служат антропонимы рассказа. Имеются также языковые средства, выражающие гендерный и возрастной статусы, однако они не играют здесь ведущей роли, так как не участвуют в создании контрастного восприятия противопоставленных А. П. Чеховым персонажей.

Антонимическая пара *толстый* и *тонкий*, является стержневым средством, организующим противопоставление социального статуса случайно встретившихся на вокзале Михаила и Порфирия, которые в годы учёбы в гимназии и юношеской дружбы не испытывали социального неравенства. Прямые значения этих слов указывают лишь на противоположные физические признаки. И действительно, на выражение социального контраста эти слова начинают работать не сразу. Когда старые приятели заметили друг друга, они обрадованы встрече, говорят восторженно, весело, как старые добрые друзья:

— *Порфирий!* — *воскликнул толстый, увидев тонкого.* — *Ты ли это? Голубчик мой! Сколько зим, сколько лет!*

— *Батюшки!* — *изумился тонкий.* — *Миша! Друг детства! Откуда ты взялся?*

— *Милый мой!* — *начал тонкий после лобызания.* — *Вот не ожидал! Вот сюрприз! Ну, да погляди же на меня хорошенько! Такой же красавец, как и был!* [29, с. 26].

Общение носит приятельский характер: речь богата восклицаниями, о чинах пока никто не думает — важен сам факт встречи школьных друзей. Обращаются друг к другу на *ты*, используя фамильярные слова и сочетания положительной оценки типа *голубчик*, *милый мой*, *друг детства*, *красавец*. Тонкий называет Михаила гипокористической формой его имени — *Миша*. В невербалике — искреннее *изумление* и *лобызания*. И такой стиль коммуникации продолжается до того момента, как Порфирий узнаёт, что Михаил продвинулся намного выше по карьерной лестнице, чем он, а значит, и материально обеспечен намного лучше.

Мы убеждаемся, что речевое статусное расслоение членов спонтанно возникшего языкового коллектива является социально приобретаемым феноменом, который подвержен эволюции. В конце XIX века в российском обществе было распространено мнение о том, что полнота человека, то есть *толстый* человек — это показатель здоровья, доброты, социальной и материальной успешности (имеется достаточное средств на питание, одежду, качественное жильё). В то же время, худой, *тонкий* человек традиционно воспринимался как болезненный (туберкулёз и другие болезни, не излечимые в период написания рассказа, не дают возможности располнеть), бедный, а поэтому ограничивающий себя и свою семью в питании, с социально сниженным статусом (чрезмерный физический труд, который не давал возможности полнеть, был уделом людей низкого сословия). Мнение о том, что худые люди злые, связано с фольклорными традициями россиян: Баба Яга и Кощей Бессмертный — очень худые персонажи русских сказок. Имеются поговорки, в которых отражается положительное отношение русских к полноте и сожаление о том, что человек худой, так как это представляется как признак неблагополучия. Например: *Пока толстый сохнет, худой издохнет. Под толстым сукном не хуже согреешься, как под бархатом. С горя, с печали, равна шея с плечами.*

Из реплики тонкого с толстым мы узнаём, что Порфирий дослужился до чина *коллежского асессора*, то есть был государственным служащим восьмого класса из четырнадцати. Это было ниже среднего, так как высшим был первый класс. Восьмой класс соответствовал чину майора, предусматривал обращение *Ваше Высокоблагородие*, однако служащие этого класса имели только личный дворянский титул, который не передавался по наследству [20, с. 600]. Тонкий хвастает наличием *ордена Станислава*. А этот орден был самым младшим по старшинству в иерархии государственных наград, главным образом, для отличия чиновников. Коллежский асессор жалуется на низкое жалование, хотя направлен в этот город на работу *столоначальником*, то есть руководителем *стола* (отдела) в государственном учреждении [20, с. 1270]. В связи с нехваткой денег тонкий *делает* и *продаёт* деревянные портсигары, а его *жена даёт уроки музыки*. Основная оценка успешности Порфирия звучит так: *пробавляемся кое-как*. В конце реплики тонкий искренне хочет узнать о судьбе друга детства, поддержать его, решив, что толстый дослужился до *статского советника*. Этот чин соответствовал 5 рангу Табели, предполагал обращение «Ваше высокоблагородие», занимал промежуточное положение между воинскими званиями полковника и генерал-майора, давал возможность служить вице-губернатором или председателем казённой палаты. Он был низшим классом чиновников первой группы номенклатуры, давал право на высокий должностной оклад, но ещё не давал прав на потомственное дворянство [20, с. 1263]. Таким образом, предлагая ситуативную антонимичную пару *коллежский асессор* — *статский советник*, тонкий предполагает, что статусные отношения между старыми друзьями разные, но не настолько, насколько это оказалось в действительности.

В ответной реплике толстый неожиданно ошарашил тонкого своей успешной карьерой, о которой Порфирий даже не мечтал:

— *Ну а ты как? Небось уже статский?*

— *Нет, милый мой, поднимай повыше,* — *сказал толстый.* — *Я уже до тайного дослужился* [29, с. 27].

Толстый уже получил чин *тайного советника*, был государственным служащим третьего класса Табели о рангах. Это соответствовало званию генерал-лейтенанта и вице-адмирала, требовало об-

ращения *Ваше Превосходительство*, обеспечивало чиновника высокой должностью, жалованьем и давало право на потомственное дворянство [20, с. 1295].

Вслед за **невербальной реакцией**, которая имеет два этапа: этап **приспособления** (*Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; ...от лица и глаз ... посыпались искры. Сам он съёжился, сгорбился, сузился... Длинный подбородок жены стал ещё длиннее; Нафанаил вытянулся во фронт и застегнул все пуговицы своего мундира... [29, с. 27]*) и этап **участия** (*...На лице у тонкого было написано столько благоговения, сладости и почтительной кислоты, что тайного советника стошнило. Он отвернулся от тонкого и дал ему на прощанье руку. Тонкий пожал три пальца, поклонился всем туловищем и захихикал, как китаец... [29, с. 28]*), следуют **вербальные статусные изменения**. При этом используются такие языковые средства: формулы подчёркнутой вежливости, принятой между подчинённым и начальником, — **обращение** Порфирия к Михаилу **по чину** (*Ваше Превосходительство*) и на **Вы** и требуемые при этом **формы согласования и координации** по множественному числу при реальной единичности субъекта (*вышли в такие вельможи-с; Помилуйте... Что вы-с*); к некоторым словам присоединяется **постпозитивная частица** *-с*; **изменяется** общая **тональность диалога**, на что указывает появление **статусного слова** *вельможа*, **вежливо-оценочных клише** (*очень приятно-с; помилуйте; живительная влага; милостивое внимание*), **уничжительного междометия** (*хи-хи-с!*), **клише, лишающих речь** лица с более низким социальным статусом **категоричности** (*некоторым образом; вроде как бы; можно сказать*). Реплики становятся бессвязным набором штампов. Например: [тонкий:] — *Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможи-с! Хи-хи-с* [29, с. 27]. Здесь мы наблюдаем квинтэссенцию названных средств. Интересно, что вводная конструкция *можно сказать* предупредительно используется со статусным словосочетанием *друг детства*, чтобы, на всякий случай, обезопасить себя указанием на субъективный характер такой трактовки истории взаимоотношений тонкого с толстым. Лицо с более высоким социальным статусом хочет исправить ситуацию, морщится, пытается возразить (*Ну, полно!.. Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства — и к чему тут это чинопочитание!*). Таким образом, толстый продолжает общение на *ты*, но ему ничего не остаётся, как распрощаться со всем семейством. Этим А. П. Чехов высказывает мысль о том, что чинопочитание и внешние статусные атрибуты могут быть сильнее дружеских отношений. У людей с более низким социальным статусом причиной такого поведения становится бедность, нереализованность в карьере и зависть к чужим успехам.

Символичны имена центральных персонажей рассказа. Так, имя толстого, *Михаил*, в переводе с древнееврейского обозначает «богоподобный», а имя тонкого, *Порфирий*, переводится с греческого «багряный», что могло обозначать здоровье, богатство или горячий (огненный) характер, однако в святцах под этим именем значится мученик Порфирий, имевший трудную судьбу не признанного отцом внебрачного сына римского императора Флавия. Таким образом, А. П. Чехов как бы программирует лучший карьерный статус Михаила и «поклонение» ему чинопочитателей.

Уже в самом начале рассказа автор представляет статусное противопоставление одоративных признаков, которые можно считать **бытовыми деталями**. А. П. Чехов тонко подмечает, что от толстого пахло *хересом* и *флёр-д'оранжем* — напитками, которые считались в конце XIX — начале XX века элитными и по цене доступными человеку с очень высокими доходами. Оба номенклатурных наименования не исконны, в языковой картине русского — символы роскоши (*херес* — заимствовано из венгерского (*Heres*); *флёр-д'оранж* (*fleur d'orange* — «цветок апельсина») — из французского). От тонкого же пахло *ветчиной* и *кофейной гуцей* — блюдами человека среднего класса. Причём Чехов использует исконно русскую номенклатуру: *ветчина* и *гуца*. Употребление слова *кофе* вместо *кофейная гуца* снижало бы эффект общности, неисключительности Порфирия.

II. В рассказе «Хирургия» выразительные средства социального статуса персонажей указывают на доминирование сословного, профессионального и культурного аспектов их социального статуса. Эти средства служат контрастному восприятию двух персонажей: **фельдшера** Сергея Кузьмича **Курятин** и **дьячка** Ефима Михеича **Вонмигласова**. По своему карьерному и материальному статусу, а также по статусу места проживания эти персонажи приблизительно одинаковы: оба живут в селе и имеют образование: один — **духовное**, второй — светское **медицинское**. Занимают нижние ступени своих профессий, хотя уже немолоды. (Фельдшер — медицинский работник без высшего образования. Он обычно помогает врачу и по многим вопросам ограничен в праве принятия решений, хотя в отсутствие врача имеет право самостоятельно лечить людей. Дьячок — низший служитель церкви, не имеющий степени священства, помощник священника). Статусный контраст между этими персонажами очевиден как в невербальном, так и вербальном поведении.

Эти люди принадлежат к разным сословиям. Курятин — **разночинец**, а Вонмигласов — представитель **духовного сословия**. На эту разницу А. П. Чехов указывает на протяжении всего рассказа. Так, поведение Вонмигласова регламентировано его сословным статусом. Например, войдя в приёмную для больных, *...дьячок ищет глазами икону и, не найдя таковой, крестится на бутылку с карболовым раствором...* [29, с. 29]. Разночинцы в сословной иерархии находились ниже лиц духовного звания. А. П. Чехов использует описание деталей одежды, которое отчасти характеризует

это. Например: ...*Фельдшер Курятин, толстый человек лет сорока, в поношенной чечунчовой жакетке и в истрёпанных триковых брюках.* <...> ...*Дьячок Вонмигласов, высокий, коренастый старик в коричневой рясе и с широким кожаным поясом* [29, с. 29]. Однако неряшливость Курятин и подтянутость Вонмигласова могут быть обусловлены также личными качествами этих людей, их внутренней культурой.

Сословные различия выражены фамилиями персонажей. Писатель, очевидно, указывает на то, что фельдшер, имея фамилию *Курятин*, в разночинцы вошёл из крестьянского сословия, получив среднее медицинское образование. Фамилия же *Вонмигласов* говорит о том, что её носитель — лицо духовного сословия или выходец из этого сословия. Она происходит от старославянского побудительного предложения *Вонми гласу* = «услышь слова» (с этой фразы начинается название православного молитвослова «Вонми гласу моления моего»).

Речь персонажей пестрит **этикетными оборотами** и **прецедентными единицами**, свидетельствующими о сословных, профессиональных и культурных статусных различиях этих людей. Так, фельдшер здороваётся с дьячком, как с давно знакомым человеком, но не соблюдает этикетных приличий: *—А-а-а... моё вам! — зевает фельдшер.* В то же время, дьячок живёт строгим церковным уставом, поэтому для него воскресенье и пост — святые дни, в которые он стремится соблюдать правила православного этикета: *...вынимает... просфору и с поклоном кладёт её перед фельдшером.* <...> *— С воскресным днём вас, Сергей Кузьмич...* [29, с. 29]. С позиций своего сословного и культурного статуса фельдшер оценивает как **предрассудки** многие христианские прецедентные ситуации, с которыми сталкивается дьячок для устранения зубной боли (*носить на руке нитку с Афонской горы, боязнь из-за поста полоскать зуб тёплым молоком*). Соблюдение поста в картине мира Курятин — предрассудок. В воскресенье он спокойно берётся за свою работу и рвёт больной зуб дьячку. Зато Вонмигласов профессионально цитирует Псалтырь, оценивая любой поступок человека и лично себя, не соответствующий правилам церковного устава, как греховный. Например, используя старославянские формы имперфекта и аориста: *Согрешихом и беззаконнахом... Студными бо окалях душу грехми и в лености житие мое иждих... За грехи, Сергей Кузьмич, за грехи!* [29, с. 29].

Речь дьячка пронизана **старославянизмами** (*благодетели, радетели, ироды*), **специальной церковной лексикой** (*литургия, псалтырь, отец иерей, ангелы*), **православными клише** (*отцы родные, мать пресвятая, по гроб жизни, на нашу погибель, свет божий, дай бог вам здоровья, господь просветиль, денно и ночью*), **вместо форм прошедшего времени** нередко используются **деепричастия** (*всё распухши* = «всё распухло», *ночь не спавши* = «ночь не спал»), **множественное число глагола и местоимения** и как формула уважения (*Гликерия Анисимовна, дай бог им здоровья, дали на руку ниточку... да велели тёплым молоком зуб полоскать* [29, с. 30]), и как формула более высокого положения деятеля в сословной или служебной (карьерной) иерархии (*Отец диакон велели водку с хреном прикладывать* [29, с. 30]). Дьячок — профессионал в чтении псалмов и колокольном звоне, он высоко ценит также профессионализм Сергея Кузьмича: *— Вам лучше знать, Сергей Кузьмич. На то вы и обучены, чтоб это понимать как оно есть, что вырвать, а что каплями или прочим чем...* [29, с. 30].

Речь фельдшера отличает её светский характер. Показателем его профессионального статуса является наличие в его речи **специальной медицинской лексики** (*щипцы, козья ножка, тракция по вертикальной оси, хирургия*). Однако он не считает своё занятие чем-то выдающимся, на что указывает его реплика: *— Хирургия — пустяки... Тут во всём привычка, твёрдость руки... Раз плюнуть...* [29, с. 30]. Но фельдшеру не удаётся с первого раза вырвать зуб у дьячка, которому он доставляет ужасную боль. Вонмигласов в данной экстремальной ситуации теряет веру в профессиональный статус Курятин, понимая, что переоценил его знания и умения, и допускает грубости в его адрес: *Чтоб тебя так на том свете потянуло! Благодарим покорно! Коли не умеешь рвать, так не берись!* [29, с. 31]. Эту ситуацию можно назвать ситуацией «**понижения в статусе**». В результате Курятин тоже отвечает грубостью, уравнивая свой культурный статус со статусом дьячка; разоблачает никчемность занятия дьячка псалмами и колоколами, понижая его профессиональный статус; обращается к нему словом *мужик*, чем понижает его сословный статус до крестьянского:

— *Дура!*

— *Сам ты дура!*

— *Ты думаешь, мужик, легко зуб-то рвать? Возьмись-ка! Это не то, что на колокольню полез да в колокола отбарабанил.* <...> — *...Экий, господи, народ необразованный пошёл! Живи вот с такими... очумеешь!* [29, с. 31–32].

А в продолжение, уже после того, как зуб был всё-таки вырван, понижение друг друга в статусе продолжается снова по инициативе дьячка. В этом можно усмотреть существовавший в обществе конфликт между разночинцами и духовным сословием:

— *Паршивый чёрт...* <...> — *Насажали вас здесь, иродов, на нашу погибель!*

— *Порукайся мне ещё тут...* — *Невежа... Мало тебя в бурсе березой потчевали...* [29, с. 32].

Понижая социальный статус духовного лица, для фельдшера неизбежным является авторитет дворянского сословия. Курятин противопоставляет невежественному дьячку Вонмигласову помещика Александра Ивановича Египетского, которому год назад рвал зуб: *Господин Египетский, Алек-*

сандр Иванович, в Петербурге лет семь жил... образованность... один костюм рублей сто стоит... да и то не ругался... [29, с. 32]. Конфликт закончился невербальным действием: уходя, дьячок забрал просфору, которой поздравил фельдшера с воскресным днём. Этим А. П. Чехов, по нашему мнению, указывает на то, что культурный статус представителей духовного сословия показушный, не все они готовы прощать, а поэтому не во всём и не всегда следуют заповедям Христа.

Выводы. Продолжая начатое ранее изучение вопроса о зависимости речи человека от его социального статуса, мы на материале рассказов А. П. Чехова «Толстый и тонкий» и «Хирургия» выявили и проанализировали основные языковые средства выражения писателем сословного, профессионального, карьерного, имущественного и культурного статуса персонажей. В каждом из рассказов автор отдаёт предпочтение нескольким наиболее важным, с его точки зрения, аспектам социального статуса. Языковые средства, которые использует А. П. Чехов для выражения определённого социального статуса персонажа, как правило, направлены на создание статусного контраста. Этот контраст основан как на прямой лексической антонимии, так и на ситуативной антонимии, обусловленной экстралингвистическими особенностями функционирования тех или иных языковых единиц, в том числе прецедентных. Языковыми средствами выражения социального статуса персонажей выступают антонимические пары нарицательных слов и специальных тематических групп, имена и фамилии персонажей, этикетные клише (в том числе специальные), бытовые детали, основанные на особенностях функционирования грамматических категорий формул социально окрашенной речи.

Нам удалось обнаружить два приёма, способствующих реалистичному выражению разных аспектов социального статуса персонажей, когда читатель самостоятельно и точно может дать эту статусную оценку. Это приём взаимного понижения статуса социально контрастирующих персонажей и приём сочетания невербальных и вербальных средств выражения социального статуса. В случае исправления ошибочного мнения о социальном статусе персонажа вербальная реакция на этапах приспособления и участия следует за невербальной.

Л и т е р а т у р а

1. Азнаурова Э. С. Прагматика художественного слова. — Ташкент : Фан, 1988. — 121 с.
2. Белашова Е. А. Типология признаков представления статусов лица в процессе исторического развития русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. — Днепропетровск, 1980. — 19 с.
3. Виденов М. Социолингвистический маркер. — София : Делфи, 1998. — 128 с.
4. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты языкового поведения. — М. : Наука, 1993. — 172 с.
5. Городецкий Б. Ю. От лингвистики языка — к лингвистике общения // Язык и социальное познание. — М. : АН СССР, 1990. — С. 39–56.
6. Жирмунский В. М. Проблема социальной дифференциации языков // Язык и общество. — М. : Наука, 1968. — С. 22–38.
7. Карасик В. И. Язык социального статуса. — М. : Гнозис, 2002. — 336 с.
8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — 6-е изд. — М. : Изд-во ЛКИ, 2007. — 264 с.
9. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Языковое существование современного горожанина : На материале языка Москвы. — М. : Языки славянских культур, 2010. — 496 с.
10. Кобозева И. М. Проблемы коммуникативного анализа речевых коллективов // Методологические проблемы социальной лингвистики. — М. : Изд-во МГУ, 1986. — С. 78–92.
11. Крысин Л. П. Социальный компонент в семантике языковых единиц // Русский язык в школе. — М., 1983. — С. 78–84.
12. Кудинова Т. А. Просторечие и диалект в языке А. П. Чехова : К характеристике языковой личности писателя : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. — Ростов н/Д : Рост. ун-т, 2000. — 24 с.
13. Кыштымова Т. В. Языковые средства выражения комического в письмах А. П. Чехова : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. — Челябинск : Челябинский гос. пед. ун-т, 2011. — 25 с.
14. Лелис Е. И. Подтекст как лингвоэстетическая категория в прозе А. П. Чехова : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 — русский язык. — Саратов : Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, 2013. — 47 с.
15. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие. — 3-е изд., перераб. и доп. — Минск : ТетраСистемс, 2008. — 272 с.
16. Маханова Г. Е. Лингвистические средства объективации концепта «скука» в системе русского языка (на материале текстов А. П. Чехова) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. — Смоленск, 2016. — 23 с.
17. Милых М. К. Проблемы языка и стиля А. П. Чехова. — Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1983. — 157 с.
18. Пауфоглима Р. Ф. Житель современной деревни как языковая личность // Язык и личность. — М. : Наука, 1989. — С. 41–48.
19. Сапов В. В. Статуса социального теории // Современная западная социология : Словарь. — М. : Политиздат, 1990. — С. 331–332.
20. Советский энциклопедический словарь. — 3-е изд. / Гл. ред. А. М. Прохоров. — М. : Сов. энциклопедия, 1985. — 1600 с.
21. Степанова С. Е. Эволюция языковой картины мира центрального персонажа рассказа А. П. Чехова «Душечка» // Мова. — Одеса : Астропринт, 2016. — № 25. — С. 62–67.
22. Степанова С. Е. Языковая личность и её причастность к профессии в языковой картине мира и эхо-картинах мира близких людей (на материале рассказов А. П. Чехова, М. А. Булгакова и В. М. Инбер) // Русская филология : Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды. — Харьков, 2017. — № 1 (60). — С. 23–27.

23. Степанова С. Е. Языковая картина мира и эхо-картина мира художественного персонажа сквозь призму профессии // Язык. Коммуникация. Культура : сб. материалов Первой международной заочной научно-практической конференции молодых учёных, Москва, ГИРЯП, 20.04.2017 г. — М. : ГИРЯП, 2017. — С. 416–421.
24. Степанов Е. Н. Город в контексте научной лингвистической парадигмы // Мова. — Одеса : Астропринт, 2012. — № 17. — С. 14–23.
25. Степанов Е. Н. Русская городская речь в полилингвокультурном пространстве Одессы : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.02. — Киев, 2013. — 35 с.
26. Степанов Е. Н. Взаимодействие научных лингвистических подходов в исследовании русской городской речи // Мова. — Одеса : Астропринт, 2014. — № 21. — С. 27–35.
27. Степанов Ю. С. В трёхмерном пространстве языка : семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. — М. : URSS, 2016. — 336 с.
28. Ходус В. П. Пьесы А. П. Чехова : язык и элементы анализа : монография. — Ставрополь : Параграф, 2016. — 143 с.
29. Чехов А. П. Рассказы и повести. — М. : Правда, 1979. — 640 с.
30. Weber M. Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology : In 2 vol. / Eds. G. Roth, C. Wittich. — Berkeley : Univ. of California Press, 1978. — 1470 p.

References

1. Aznaurova, E. S. (1988), *Pragmatics of the artistic word [Pragmatika khudozhestvennogo slova]*, Fan, Tashkent, 121 p.
2. Belashova, Ye. A. (1980), *Typology of signs of the representation of the person's status in the process of the historical development of the Russian language: Author's thesis [Tipologija priznakov predstavlenija statusov litsa v protsesse istoricheskogo razvitiya russkogo jazyka : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01]*, Dnepropetrovsk, 19 p.
3. Videnov, M. (1998), *The Sociolinguistic Marker [Sotsiolingvističeskij marker]*, Delphi Publishers, Sofia, 128 p.
4. Vinokur, T. G. (1993), *Speaker and Listener. Variants of language behavior [Govorjashchij i slushajushchij. Varianty jazykovogo povedenija]*, Nauka, Moscow, 1993, 172 p.
5. Gorodetskij, B. Yu. (1990), "From the linguistics of language — to the linguistics of communication", *Language and social cognition* ["Ot lingvistiki jazyka — k lingvistike obščhenija", *Jazyk i sotsial'noje poznanije*], Academy of Sciences of USSR, Moscow, pp. 39–56.
6. Zhirmunskij, V. M. (1968), "The problem of social differentiation of languages", *Language and society* ["Problema sotsial'noj differentsiatsii jazykov", *Jazyk i obščestvo*], Nauka, Moscow, pp. 22–38.
7. Karasik, V. I. (2002), *The language of social status [Jazyk sotsial'nogo statusa]*, Gnozis, Moscow, 336 p.
8. Karaulov, Yu. N. (2007), *Russian language and language personality, 6th ed. [Russkij jazyk i jazykovaja ličnost', 6-e izd.]*, Publishers house LCI, Moscow, 264 p.
9. Kitajgorodskaja, M. V., Rozanova, N. N. (2010), *Linguistic existence of a modern citizen : On the base of the language of Moscow [Jazykovoje sushčestvovanie sovremennogo gorozhanina : Na materiale jazyka Moskvy]*, Languages of Slavic cultures, Moscow, 496 p.
10. Kobozeva, I. M. (1986), "Problems of communicative analysis of speech collectives", *Methodological problems of social linguistics* ["Problemy kommunikativnogo analiza rečevykh kolektivov", *Metodologičeskije problemy sotsial'noj lingvistiki*], Moscow State Univ. Publ. house, Moscow, pp. 78–92.
11. Krysin, L. P. (1983), "Social component in the semantics of linguistic units", *Russian language at school* ["Sotsial'nij komponent v semantike jazykovykh edinits", *Russkij jazyk v shkole*], Moscow, pp. 78–84.
12. Kudinova, T. A. (2000), *Common language and dialect in the language of Anton Chekhov : To the characteristic of the writer's language personality : Author's thesis [Prostorečije i dialekt v jazyke A. P. Čehkova : K kharakteristike jazykovoj ličnosti pisatelja : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01]*, Rostov Univ., Rostov on Don, 24 p.
13. Kyshtymova, T. V. (2011), *Language means of expressing the comic in the letters of Anton Chekhov : Author's thesis [Jazykovyje sredstva vyražhenija komičeskogo v pis'makh A. P. Čehkova : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01]*, Chelyabinsk State Pedagog. Univ., Chelyabinsk, 25 p.
14. Lelis, Ye. I. (2013), *Subtext as a linguoesthetic category in the prose of Anton Chekhov : Author's thesis [Podtekst kak lingvoestetičeskaja kategorija v proze A. P. Čehkova : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.01 — russkij jazyk]*, Saratov N. G. Chernyševskij State Univ., Saratov, 47 p.
15. Maslova, V. A. (2008), *Cognitive Linguistics : Textbook, 3rd ed., revised and expanded [Kognitivnaja lingvistika : učeb. posobie, 3-e izd., pererab. i dop.]*, TetraSystems, Minsk, 272 p.
16. Makhanova, G. Ye. (2016), *Linguistic means of objectifying the concept of "boredom" in the system of the Russian language (based on the texts of A. P. Chekhov) : Author's thesis [Lingvističeskije sredstva objektivatsii kontsepta "skuka" v sisteme russkogo jazyka (na materiale tekstov A. P. Čehkova) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01]*, Smolensk, 2016. — 23 p.
17. Milykh, M. K. (1983), *Problems of language and style of Anton Chekhov [Problemy jazyka i stilja A. P. Čehkova]*, Rostov Univ. Publ. house, Rostov on Don, 157 p.
18. Paufoshima, R. F. (1989), "A resident of a modern village as a language personality", *Language and Personality* ["Zhitel' sovremennoj derevni kak jazykovaja ličnost'", *Jazyk i ličnost'*], Nauka, Moscow, pp. 41–48.
19. Sapov, V. V. (1990), "Theories of social status", *Modern Western sociology : Dictionary* ["Statusa sotsial'nogo teorii", *Sovremennaja zapadnaja sotsiologija : Slovar'*], Politizdat, Moscow, pp. 331–332.
20. *Soviet encyclopedic dictionary, 3rd ed. (1985) [Sovetskij entsiklopedičeskij slovar', 3-e izd.]*, ed. A. M. Prokhorov, Soviet Encyclopedia, Moscow, 1600 p.
21. Stepanova, S. Ie. (2016), "Evolution of the language world picture of main character in the Chekhov's story "Dushechka" ("Darling")", *Mova / Language* ["Evoljutsija jazykovoj kartiny mira tsentral'nogo personazha rasskaza A. P. Čehkova "Dushechka", *Mova*], Odessa I. I. Mechnikov Nat. Univ., Astroprint, Odessa, vol. 25, pp. 62–67.
22. Stepanova, S. Ie. (2017), "Language personality and its involvement to the profession in the language picture of the world and echo- pictures of the world of close persons (on the materials of the A. P. Chekhov's, M. A. Bulgakov's and V. M. Inber's stories)", *Ruskaâ filologija / Russian philology : Herald of H. S. Skovoroda Kharkiv Nat. Ped. Univ.*

["Jazykovaja lichnost' i jejo prichastnost' k professii v jazykovej kartine mira i ekho-kartinakh mira blizkikh ljudej (na materiale rasskazov A. P. Chekhova, M. A. Bulgakova i V. M. Inber)", *Russkaja filologija : Vestnik Khar'kovskogo natsional'nogo pedagogicheskogo universiteta imeni G. S. Skovorody*], Kharkov, vol. 1 (60), pp. 23–27.

23. Stepanova, S. Ie. (2017), "The language picture of the world and the echo-picture of the world of the artistic character through the prism of the profession", *Language. Communication. Culture : Proceedings of the First Internat. Extramural Sci. and Pract. Conf. of Young Scientists, Moscow, PSRLI, Apr. 20, 2017* ["Jazykovaja kartina mira i ekho-kartina mira khudozhestvennogo personazha skvoz' prizmu professii", *Jazyk. Kommunikatsija. Kul'tura : sb. materialov Pervoj mezhdunar. zaochnoj nauch.-prakt. konf. molodykh uchonykh, Moskva, GIRJaP, 20.04.2017 g.*], The Pushkin State Russian Lang. Inst., pp. 416–421.

24. Stepanov, Ie. N. (2012), "City in the context of linguistic research paradigms", *Mova / Language* ["Gorod v kontekste nauchnoj lingvisticheskoj paradigm", *Mova*], Odessa I. I. Mechnikov Nat. Univ., Astroprint, Odessa, vol. 17, pp. 14–23.

25. Stepanov, Ie. N. (2013), *Russian Urban Speech in the Multilingual Cultural Space of Odessa : Author's thesis [Russkaja gorodskaja rech' v polilingvokul'turnom prostranstve Odessy : avtoref. dis. ... doct. filol. nauk : 10.02.02 — russkij jazyk]*, Potebnia Institute of Linguistics, NAS of Ukraine, Kiev, 35 p.

26. Stepanov, Ie. N. (2014), "Interaction of scientific linguistic approaches to research the Russian urban language", *Mova / Language* ["Vzaimodejstvije nauchnykh lingvisticheskikh podkhodov v issledovanii russkoj gorodskoj rechi", *Mova*], Odessa I. I. Mechnikov Nat. Univ., Astroprint, Odessa, vol. 21, pp. 27–35.

27. Stepanov, Yu. S. (2016), *In the three-dimensional space of language : semiotic problems of linguistics, philosophy and art [V trjokhmernom prostranstve jazyka : semioticheskiye problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva]*, URSS, Moscow, 336 p.

28. Khodus, V. P. (2016), *The plays of Anton P. Chekhov : language and elements of analysis : monograph [P'jesy A. P. Chekhova : jazyk i elementy analiza : monografija]*, Paragraf Publ. house, Stavropol', 143 p.

29. Chekhov, A. P. (1979), *Stories and novels [Rasskazy i povesti]*, Pravda, Moscow, 640 p.

30. Weber, M. (1978), *Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology : In 2 vol.*, eds. G. Roth, C. Wittich, Univ. of California Press, Berkeley, 1470 p.

СТЕПАНОВА Світлана Євгенівна,

магістрант кафедри російської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова, Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна; тел.: +38 048 7762277; e-mail: rus_lang@onu.edu.ua; ORCID ID: 0000-0002-2855-3657

МОВНІ ЗАСОБИ ВИРАЖЕННЯ СОЦІАЛЬНОГО СТАТУСУ ПЕРСОНАЖІВ У ТВОРАХ А. П. ЧЕХОВА

Анотація. У статті авторка продовжує вивчати проблему залежності мови людини від її соціального статусу, розширивши аспекту базу соціального статусу. **Мета** дослідження — виявити і проаналізувати мовні засоби вираження А. П. Чеховим як професійного, так і станового, кар'єрного, майнового та культурного статусу. **Матеріалом** дослідження послужили два ранні оповідання письменника: «Товстий і тонкий» (1883) і «Хірургія» (1884). Таким чином, **об'єктом** вивчення є мовні засоби, здатні висловити в художній формі соціальний статус персонажа, **предметом** — майстерність А. П. Чехова в зображенні станового, кар'єрного, майнового, професійного і культурного статусу людини засобами мови. У роботі описовий **метод** поєднано з історико-описовим, а також із методами багатофакторного, семантичного та соціолінгвістичного аналізу. У **результаті** дослідження виявилось, що мовні засоби, які використовує А. П. Чехов для вираження соціального статусу персонажа, спрямовані на створення статусного контрасту. **Висновки.** Мовними засобами вираження соціального статусу персонажів виступають антонімічні пари загальних слів і спеціальних тематичних груп, імена та прізвища персонажів, етикетні звороти, кліше, побутові деталі, засновані на граматичних особливостях формули соціально забарвленого мовлення. Розкриттю соціального статусу персонажів сприяє прийом взаємного зниження статусу персонажів, які соціально контрастують, і прийом поєднання невербальних і вербальних засобів вираження соціального статусу.

Ключові слова: соціальний статус, мовні засоби, мовна картина світу, персонаж, ідіостиль А. П. Чехова.

Svitlana Ie. STEPANOVA,

Master of the Russian language Department of Odessa I. I. Mechnikov National University, 24/26 Frantsuzskij blvd., Odessa, 65058, Ukraine; tel.: +38 048 7762277; e-mail: rus_lang@onu.edu.ua; ORCID ID: 0000-0002-2855-3657

LANGUAGE MEANS OF EXPRESSION OF THE SOCIAL STATUS OF CHARACTERS IN THE WORKS OF ANTON CHEKHOV

Summary. In this article, the author continued to consider the problem of the dependence of human speech on person's social status, increasing the aspect basis of social status. The **purpose** of the work is to identify and analyze the language means of expressing Chekhov not only professional, but also class, career, property and cultural status. The material of the study was such stories of the writer: «Thick and thin» (1883) and «Surgery» (1884). Thus, the **object** of study are the means of the language, capable of expressing the social status of the character artistically, the **subject** of research is the skill of Anton Chekhov in depicting the class, career, property, professional and cultural status of a person by language means. In this work, the descriptive **method** is combined with the historical-descriptive method, as well as with the methods of multifactorial, semantic and sociolinguistic analysis. As a **result** of this research, it was found that the language means which Anton Chekhov used to express the character's social status are aimed at creating a status contrast. **Conclusions.** The antonymous pairs of common words and special thematic groups, the names and surnames of characters, etiquette, clichés, everyday details, the socially colored speech formulas based on the grammatical features are linguistic

means of expressing the characters' social status. Mutual lowering of the status of socially contrasting characters and the combination of non-verbal and verbal means as artistic ways of representing social status contribute to the expression of the characters' relevant status characteristics.

Key words: social status, language means, language picture of the world, character, idiosyncrasy of Anton Chekhov.

Статтю отримано 24.04.2018 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2018.29.115836>

УДК 811.111'322.5:[808.55+801.561.3]:398.93

АБРАМОВА Евгения Юрьевна,

кандидат филологических наук, преподаватель кафедры перевода и языкознания Одесского международного гуманитарного университета; Фонтанская дорога, 33, г. Одесса, 65009, Украина; тел.: +38(067)7031547; e-mail: abramovazhenya@yahoo.com; ORCID ID: 0000-0001-8048-6677

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ КОМПЛИСАЛТА КАК ЗАВУАЛИРОВАННОЙ ИЗДЁВКИ В САРКАСТИЧЕСКОМ РЕЧЕВОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Аннотация. *Цель* данного исследования состоит в установлении лингвокогнитивных связей между стимулирующей репликой комплисалта и возможной реакцией собеседника на него. Под комплисалтом понимается комплимент-издёвка в саркастическом диалоге. *Объектом* работы являются диалогические единства, стимулом которых выступает комплисалт. *Предмет* — коммуникативное содержание и прагматическая направленность комплисалта как речевого высказывания. Интерес автора сфокусирован на проблеме функционирования комплисалта в процессе виртуального речевого взаимодействия. В статье рассматриваются и анализируются различные виды реакций на комплисалт с точки зрения коммуникативной грамматики. Работа выполнена в ключе коммуникативной грамматики с привлечением элементов психолингвистического анализа. В процессе исследования использованы количественно-качественный, дискурсивно-контекстуальный, дескриптивный *методы* с элементами этимологического и психолингвистического подходов. В *результате* исследования сделано заключение о том, что комплисалт как прагматический тип высказывания занимает пограничную позицию между похвалой и порицанием, восхищением и презрением, то есть является демонстрацией говорящим негативной оценки адресата в рамках речевого этикета. В процессе анализа делается ряд *выводов* относительно поверхностной и глубокой коммуникативной нагрузки комплисалта. *Практическое применение* результатов исследования возможно в теоретических и практических курсах прагматической и коммуникативной лингвистики, теоретической грамматики и стилистики английского языка, общего языкознания и спецкурсов по речевому этикету и теории речевой коммуникации английского языка.

Ключевые слова: комплисалт, комплимент, сарказм, речевое взаимодействие, речевой этикет.

Постановка проблемы и связь с предыдущими исследованиями. В современной лингвистике при изучении языка как результата творческого речевого акта, основное внимание уделяется обстоятельствам, в которых протекает коммуникация. Интерпретация интенции говорящего слушающим тесно связана и зависит от контекста употребления конкретного речевого акта [2, с. 41].

В этой связи представляется уместным обратиться к такому широко распространённому в повседневном общении речевому явлению как комплимент, его функциональной роли и коммуникативному содержанию. В данной работе *комплимент* понимается как высказывание, содержащее комментарий, касающийся какого-либо положительного события, характеристики, приобретения, достижения, которые связаны с адресатом и расцениваются, как отправителем сообщения, так и его получателем, позитивно [1, с. 7].

Достаточно большой удельный вес употребления комплиментов во всех сферах английского речевого общения обусловлен их высокой степенью экспрессивности и положительной оценочности. В своих предыдущих исследованиях мы установили, что удельный вес комплиментов на усреднённую страницу художественного текста диалога составляет 1 : 2,5 [1, с. 154]. Комплименты говорят для того, чтобы смазывать «социальные колёса» и так способствовать оптимизации речевого общения [9, с. 391].

Диалогическое взаимодействие коммуникантов основано на достаточно гибких психологически обусловленных моделях. Известно, что под «маской» комплимента могут употребляться высказывания, направленные на дестабилизацию межличностных отношений. Такое явление характерно в особенности для саркастического речевого взаимодействия, где собеседники не идут на открытый конфликт, а делают завуалированные язвительные замечания в адрес друг друга. Речь идёт здесь о *комплиментах, выражающих презрение, комплиментах-издёвках*. Цель таких высказываний — не поддержать гармоничные отношения с собеседником, а наоборот, выразить косвенным образом насмешку над адресатом или осуществлять социальный контроль над деятельностью объекта речевого воздействия.